

РП 20.09.2017

Художник и краевед **Виталий Бухтеев** вернулся в холодный разрушенный Смоленск осенью 1943 года сразу после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. В быстрых рисунках графика - тлеющие развалины домов и тонущие в густых клубах дыма улицы. Позже в своих воспоминаниях Виталий Иванович написал о спасении реликвии Великой Отечественной войны, о погибшей комнате композитора **М. И. Глинки** и о любимом театре смолян...

Записки старого смолянина

О знамени

«В музее «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны», что в сквере Памяти Героев, хранится знамя, которое было водружено на здании гостиницы «Смоленск» 25 сентября 1943 года капитаном П. Ф. Клепачем в день освобождения города. Прошло время, и оно выцвело, потемнело, поседело на ветру. Было принято решение сохранить знамя для потомков. А для этого его необходимо было снять. Снять знамя, водруженное в честь освобождения города? Как-то не укладывалась в голове такая идея, тем более что это поручалось выполнить мне. Однако, серьезно обдумав и вооружившись документами партийных и советских органов, дирекции музея, я согласился выполнить это ответственное задание.

Конец осени, холодный, пасмурный день. Я в белом военном полушубке по внутренней лестнице гостиницы добрался до шестого этажа и вышел на крышу, а затем к башенке, обустроенной колоннадой, где и было укреплено знамя. Только я приблизился к нему, как услышал шорох за спиной. Я обернулся и невольно вздрогнул, увидев поднимающегося за мной человека, в таком же белом, как у меня, полушубке, только с милицеейскими погонами. Я понял: это кто-то из охраняющих знамя.

В. Бухтеев.
«У гостиницы «Смоленск»»
1946 год.

Но почему меня не остановили сразу, когда я появился на крыше шестого этажа? Следили за мной, дали добраться до знамени. Видимо, хотели застать на месте преступления. И тут я услышал грозное: «Зачем вы здесь? Ваши документы!» Чувствуя свою правоту, я, однако, не рискнул ответить дерзко: «Хочу снять знамя». На большой высоте и незначительной площади - неизвестно, какая реакция могла быть у милиционера.

Я не спеша достал документы, разрешающие снять знамя, паспорт. И тут вспомнил, что у меня с собой было и разрешение на право рисовать в городе, выданное той же организацией, где работает мой проверяющий. Я вручил ему и этот документ. Это значительно убедило его: рядом с ним человек, выполняющий особое задание по спасению реликвии Великой Отечественной войны.

Возвратив документы, он уже доброжелательно спросил: «А чем же будем работать, какой есть инструмент?» Кроме перочинного ножа, у меня ничего не было. Но для работы этого хватало.

Для крепления знамени в металлической крыше было пробито отверстие, через которое было пропущено дерево и закреплено на чердаке башенки. Вдвоем мы довольно легко вытащили дерево с остатками полотнища. Знамя к дереву крепилось гвоздями, поэтому снять его с помощью перочинного ножа не представило сложности. Аккуратно сложив знамя, я спрятал его под полушубок. Благополучно спустившись, уже в вестибюле, поблагодарив за помощь, я простился с моим помощником и хранителем знамени.

Вот так оно стало экспонатом музея».

Окончание - на 25-й стр.

РП 20.09.2017.

Музей «Русская старина»

«Под красиво оформленным майоликой парадным входом - двухстворчатая дверь, перехваченная по диагонали доской с краткой надписью «Саперами проверено». Вместе с представителем правоохранительных органов отвернул доску. Двери не заперты. Вошли. В вестибюле - груды разбросанных и сложенных в пачки бумаг. Справа от входа, прижавшись к стене, стоит серый от пыли барельеф П. Трубецкого «Лошадь с жеребенком».

В залах пустынно и холодно, электропроводка оборвана. Слабый свет через запыленные и кое-где закрытые бумагой ажурные оконные переплеты. Сумрачно. Идем по залам, под ногами шуршит бумага. Сложенное в пачки оказалось печатной продукцией немцев на русском языке - листовки, обращенные к солдату Красной Армии, с таким, примерно, текстом: «Русский солдат, лучший подарок к 1 мая - твоя жизнь. Переходи на сторону немцев. Жизнь гарантируем».

Не долго пришлось пользоваться оккупантам этой литературой. Через два года и два месяца Смоленск был освобожден.

Жутко в безмолвных, безлюдных залах. И вот, поднимаясь на второй этаж, я вдруг вскрикнул и от страха присел на ступеньки. Передо мной сидел человек в кресле. Секунду спустя я успокоился, сообразив, что это скульптура Антокольского «Граф Панин» (я хорошо знал экспозицию музея по довоенным посещениям). Сдвинутая на край лестничного марша скульптура силуэтом против света смотрелась как живая. Оккупанты не успели похитить ее, а только сдвинули с места.

Залы второго этажа были пусты. Проем одного из залов заложено кирпичом. Дальше третий - мансардный - этаж. Мы у входа в существовавшую до войны мемориальную комнату М. И. Глинки. Входная дверь распахнута. В комнате полный разгром. Разбит и валяется на полу с раскрытыми, без стекла створками шкаф, оборвана электропроводка. Разграбив комнату, оккупанты устроили в ней охранное помещение, где была сооружена кирпичная плита для обогрева и приготовления пищи, так как, обследовав чердак, мы обнаружили там уже испорченные бараньи головы и пустые винные бутылки. Ни одного экспоната. Комната композитора погибла.

Вот такое невеселое было посещение музея «Русская старина».

Драматический театр

«Театр не функционировал. Вестибюль представлял страшное, печальное зрелище. Война продолжалась. Гибли наши воины. В вестибюле театра для прощания устанавливались гробы с погибшими. Иногда это был один гроб, а иногда и по три сразу (в конце 1943 года). Здесь же почетный караул из солдат, но народа почти нет. Зайдет кто-то, снимет шапку, постоит, отдаст последний долг.

Траурная процессия организовывалась непосредственно в день захоронения. Похороны совершались в «Кутузовском садике», как тогда называли теперешний сквер Памяти Героев, у крепостной стены.

Памятники устанавливали разные, в зависимости от рода войск. У артиллериста - со снарядами, у летчика - с эмблемой пропеллера, пехоте - звездочку. Памятники были из недолговечных материалов: фанера, масляная краска, металлическая табличка с фамилией погибшего. Просуществовали они недолго. В настоящее время заменены гранитными плитами.

Смоляне любили свой театр. Красивое здание, возведенное в довоенное время, с шестиколонным, из красного полированного гранита портиком торжественно

выделялось среди существующей застройки.

По вечерам у широких ступеней и освещенного входа толпился народ. Спрашивали «лишнего билетика». Зрительный зал на 1500 мест всегда был полон. Даже на дневных воскресных спектаклях часто в партере сидели на приставных местах. Ходили не только на спектакли «Анна Каренина», «Человек с ружьем», «Суворов» и другие, но и на любимых актеров: Зиновьеву, Калачевскую, Нельского, Волгина, Простакова.

Спектакли шли в музыкальном сопровождении. Из оркестровой ямы лились мелодии, которые исполняли Апель, Кугель, Левитан. Тот самый Р. Кугель, который учил маршала Тухачевского игре на скрипке в его квартире на улице К. Маркса, 14.

Взаимосвязь внутреннего и внешнего пространства, декоративная отделка, оформление интерьеров были характерны для Смоленского театра, одного из лучших сооружений того времени. Последующая реконструкция не внесла значительного изменения в его интерьерах и фасадах.

Театр долго не работал: не было света, тепла, оборудования, требовался ремонт...

У здания областного драматического театра

Прибывшая театральная труппа смоленских артистов длительное время репетировала в здании администрации мединститута (ныне здание филармонии). И только в 1947 году, после реставрации, театр принял первых зрителей».

Материалы предоставлены музеем «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны» 1941 - 1945 гг.».

В. Бухтеев. Скульптура Антокольского «Граф Панин».

Окончание.
Начало на 14-й стр.

Записки старого смолянина

Какая жизнь будет жить в н...